

Научная статья

УДК 94(470.63):614.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

ЖЕНЩИНА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ПРОЕКТАХ БОЛЬШЕВИКОВ И СОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ)

Татьяна Евгеньевна Покотилова^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Доктор исторических наук, профессор, и.о. ректора СКФУ
rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В предлагаемой статье рассматриваются представления большевиков о социальном месте женщины в новом обществе, о ее реальной повседневности в условиях 1920-е годов и о политике власти по реализации своих проектов на примере Ставрополья. Поскольку гендерная история и история повседневности при данной постановке проблемы сходятся в одной точке, то подходы этих областей исторической науки были использованы в реализации цели – показать формы вовлечения женщин в общественную работу как средство формирования новой повседневности. Статья основана на историографическом опыте зарубежной и отечественной исторической науки в сфере актуальных ее направлений – истории повседневности и гендерной истории, а также интеллектуальной истории в контексте изменений общественного и массового сознания. **Материалы и методы.** Работа основана на первых законодательных документах советской власти, на публицистике деятелей постреволюционного периода, а также на делопроизводственных архивных документах уездных, губернских и городских партийных комитетов Ставрополья, а также на делопроизводственных источниках исполкомов разного уровня из Государственного архива новейшей истории Ставропольского края и Государственного архива Ставропольского края. Исходя из принципов объективности и историчности, были использованы методические инструменты таких направлений исторических исследований, как история повседневности, гендерная история, новая локальная история, культурно-интеллектуальная история. **Анализ.** В статье на основе изучения исторических источников анализируются такие вопросы, как политика первых лет советской власти в отношении положения женщины. Общественная мысль этого периода и идеи власти исходили из общей задачи создания «нового человека», и воспитание «новой женщины» как часть этого проекта. Особенность этой части задачи состояла в том, чтобы втянуть женские руки в общественное производство, а женскую голову – в общий процесс идеологизации общества в духе веры в коммунизм и его построение. Практика реализации этих задач вела к перевороту не только в массовом сознании, но и в женской по-

вседневности. В ее частную жизнь вошли общественные формы коммуникации, практика создания условий для матери и дитя, борьба за грамотность переосмысление самой женщиной ее роли в обществе и доме. В статье раскрываются формы реализации советской политики по изменению места женщины в социалистическом строительстве в Ставропольской губернии и округе, трудности региона, прошедшего сквозь Гражданскую войну и голод, находившегося на окраине бывшей Российской империи и переживавшего экономическую и финансовую разруху. Тем не менее, как свидетельствуют источники, даже в этих условиях предпринимались попытки организовать женщин в разных формах на участие в общественной жизни, помочь беременным и кормящим матерям продуктами и предметами первой необходимости, создать условия для вне семейного воспитания. **Результаты.** Вследствие всего сказанного выше можно сделать вывод: несмотря на трудности, несмотря на традиционализм консервативной части общества, не желавшей менять положение женщины как домашней рабыни и машины для производства детей, несмотря на религиозность и безграмотность женщин этого аграрного края, новые идеи, новая социальная практика меняла женскую повседневную жизнь и в этом регионе.

Ключевые слова: Ставрополье, советское общество, женская история, гендер, социальная политика

Для цитирования: Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А. Женщина и повседневность в проектах большевиков и советская реальность 1920-х годов (на материалах Ставрополья) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 658–664. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

WOMEN AND EVERYDAY LIFE IN BOLSHEVIK PROJECTS AND SOVIET REALITY OF THE 1920S (BASED ON THE MATERIALS FROM STAVROPOL REGION)

Tatiana E. Pokotilova^{1*}, Tatiana A. Shebzuhova²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

² Dr. Sc. (History), Professor, Acting Rector
rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines Bolshevik ideas about women's social place in the new society, their everyday reality in the 1920s, and the policies of the government to

implement their projects, using Stavropol as an example. Since gender history and the history of everyday life converge in this case, approaches from these fields were used to demonstrate

© Покотилова Т. Е., Шебзухова Т. А., 2025

the forms of women's involvement in public work as a means of shaping a new everyday life. The article is based on the historiographical experience of foreign and domestic studies in its relevant fields – the history of everyday life and gender history, as well as intellectual history in the context of changes in public and mass consciousness. **Materials and Methods.** The study is based on the first legislative documents of the Soviet power, the articles of post-revolutionary figures, and archival records of district, provincial, and city party committees in Stavropol, as well as records of executive committees at various levels from the State Archive of Contemporary History of Stavropol Krai and the State Archive of Stavropol Krai. Along with objectivity and historicity principles, methodological tools from such fields of historical research as everyday history, gender history, modern local history, and cultural and intellectual history were employed. **Analysis.** With the reference to historical sources, the article examines such issues as the policy of the first years of the Soviet power regarding the status of women. Social thought of this period and the ideas of the government were based on the overall goal of creating a "new person", and the education of a "new woman" as part of this project. This particular aspect of the task was to involve women's hands in social production and women's minds in the overall process of ideologizing society in the spirit of faith in communism and its construction. The practical implementation of these goals led to a revolution not only in the mass consciousness but also in women's everyday lives. Social forms of communication, the practice of creating conditions for mothers and children, the fight for literacy, and women's own rethinking of their role in society and the home all entered their private lives. The article explores the implementation

Введение. Повседневность как один из важных контекстов женской истории создает ситуацию непереносимого пересечения таких направлений современной исторической науки как история повседневности и гендерная история. Историография этих двух научных сфер в последние четверть века освещалась неоднократно, а исследования по этим проблемам хорошо известны. Определены и знаковые имена в этой области. Среди зарубежных исследований можно выделить работы по истории повседневности таких авторов как А. Шюц, А. Лютке, Ф. Бродель [2; 21; 29; 30]. За первую четверть XXI в. российские ученые накопили большой опыт изучения российской повседневности в разные периоды истории России, включая и советскую эпоху [3; 14; 15; 18; 25; 27; 28].

Не менее многообразна историография гендерной и женской истории в западной историографии [1; 31; 32]. Последние три десятилетия активно развивается это направление и в нашей стране. Свидетельством актуальности данной проблемы является более чем 30-летняя деятельность Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, который последние 17 лет возглавляет Н.Л. Пушкарева. О последних исследованиях в этой области подробно писали историки из Московского государственного областного университета [26]. В современной отечественной литературе гендер определяется как сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий мужских и женских ролей, поведения, ментальных и эмоциональных характеристик [22].

Материалы и методы. Встречаются эти два направления исторической науки, в первую оче-

of Soviet policy to change the place of women in socialist construction in the Stavropol province and district, and the difficulties of a region that had survived the Civil War and famine, located on the outskirts of the former Russian Empire, and was experiencing economic and financial devastation. Nevertheless, as sources indicate, even under these conditions, attempts were made to organize women to participate in public life in various forms, to help pregnant and nursing mothers with food and essential items, and to create conditions for education outside the family. **Results.** Based on the above mentioned, it can be concluded that despite the difficulties, despite the traditionalism of the conservative part of society, which was unwilling to change the status of women as domestic slaves and child-producing machines, despite the religiosity and illiteracy of women in this agricultural region, new ideas and new social practices changed women's daily lives in this region.

Keywords: Stavropol region, Soviet society, women's history, gender, social policy

For citation: Pokotilova TE, Shebzuhova TA. Women and Everyday Life in Bolshevik Projects and Soviet Reality of the 1920s (Based on the Materials from Stavropol region). Humanities and law research. 2025;12(4):658-664. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.12>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

редь, на обширном пространстве исторической антропологии, в достигаемости междисциплинарного подхода, многомерной социальной истории в современном ее представлении, и на предметном поле новой локальной истории, когда в контексте повседневности развиваются конкретные гендерные отношения. Речь идет о локальных сообществах: от семьи, жителей города или села, до макрорегионов.

Что касается двух подходов к исследованию повседневности как сферы «человеческого опыта», который выявляет собственное отношение к окружающему миру «на основе трудовой деятельности, которая рождает «уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий...» [29, с.30], то и рутинное проживание, и бесчисленные казусы, выбивающиеся из этого рутинного течения, составляют общую картину обычной жизни. Повседневность как мир всех людей, который состоит из материальной культуры, биологического бытия человека, но одновременно из повседневного поведения, массового мышления, эмоций и заблуждений. Более того активность придает повседневной жизни ее включенность в социальное на уровне индивидуального. В этом случае повседневность рассматривается «как полноценный уровень паритетного взаимодействия субъекта с миром социальной реальности» [4].

Повседневность немыслима без женщин: семья, домашнее хозяйство и быт, любовь, здоровье, рождение, воспитание детей и проч. Первоначально, разрушая старый мир, большевики призывали построить свой новый мир, который включал бы новые гендерные отношения в контексте новой модели повседневности.

Среди проблем, обозначенных Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН, есть вопросы статуса женщины в обществе: традиции и новации, а также особенности формирования гендерной идентичности, гендерных институтов. На основе официальных документов и материалов из фондов государственных архивов Ставропольского края мы попытаемся показать, с одной стороны, реализацию большевистских представлений о женщине и гендерных отношениях, а с другой, формирование новой модели гендерной идентичности в повседневной жизни горожанок Ставрополя в 1920-е гг.

При разработке этой темы авторы обращались к инструментарию микроистории, приемам интеллектуальной истории, к подходам новой локальной истории, т.к. речь шла о месте женщины в локальном сообществе на окраине Юга России и попытках изменить это место в соответствии с установками центральной власти и о специфике локальных особенностей, которые влияли на традиции и новации. В повседневности женщин большую роль играет гендерная асимметрия, которую пытались «исправить» большевики.

Анализ. Все первые советские официальные документы советской власти в основу положили классовый принцип, из которого вытекали принципы равноправия наций, свобода вероисповеданий, равноправие мужчин и женщин для трудящихся. Так, Декрет о земле провозглашал: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола)» [12]. Формально гражданское и политическое равноправие женщин было провозглашено и первой советской Конституцией 1918 г.: «Правом избирать и быть избранными в Советы пользуются, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т.п., следующие обоюдо полами граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, коим ко дню выборов исполнилось восемнадцать лет» [17, с.267].

Снятие различных ограничений для брака в значительной степени оставалось формальным в силу того, что продолжала действовать сила традиции. Даже в городе было типичным воспринимать сожительство без венчания как блуд, грех. В начале 1920-х гг. нередки были случаи, когда комсомольцы коммунисты, желавшие жениться на барышнях из «чуждых классов», соглашались на церковный брак. Тем не менее, постепенно новые правовые основания брака все более глубоко проникали вглубь повседневной жизни. К примеру, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. не зарегистрированных (фактических) браков [16, с.87].

Переделка сознания женщины в новом обществе рассматривалась властью как конструирование рычага воздействия на мужей, отцов, сыновей в нужном для строительства нового общества направлении. Дело в том, что опыт революции показал, что женщины неизбежно влияют

на своих мужей и детей. Однако попытки новой власти изменить социальную роль женщины наталкивались на гораздо большую религиозность и неграмотность среди женского населения по сравнению с мужским. В частности уровень грамотности в середине 1920-х гг. у женщин был более чем на 20% ниже, чем среди мужчин [5]. Религиозность не была изжитой и в 1930-е гг. Так, еще в 1929 г. в постановлении общего бедняцко-середняцкого собрания Ташлянского района города Ставрополя прямо говорилось: «Учитывая большой процент религиозных браков обрядов и рождений, провести в этом отношении Антирелигиозную работу, среди окраинского населения, для чего связаться с Окрсоюзом безбожников» [10, л.10].

Для работы с женщинами из трудящихся слоев предусматривались специальные инструменты воздействия на женщин. В 1918 г. А. М. Коллонтай предложила создать Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц при комитетах РКП (б) на местах, что стало предтечей женотделов. Комиссии просуществовали около года, а в 1919 году на их базе при Центральном комитете РКП(б) был создан Женотдел ЦК под председательством Инессы Арманд. В сентябре того же года вышло постановление «О работе среди женского пролетариата», в котором отмечалось создание при партийных органах женских отделов (женотделов) с институтом делегатских собраний при них [24, с.436]. Эти общественные организации должны были проводить специальные встречи, митинги, собрания и беседы с женщинами разных населенных пунктов, разъясняя их новое место и роль в обществе. Женотделы должны были развернуть и научно-религиозную пропаганду, для чего проводились тематические цикловые лекции для женщин «Церковь и государство в Советской России», «Как смотрят коммунисты на религию», «Религия и мораль при старом и новом строе».

Подобные женские отделы были организованы после возвращения советской власти на Ставрополье в 1920 г. при губернском комитете РКП(б) и при уездных партийных комитетах. Так, на первой Благодарненской уездной беспартийной женской конференции 20 февраля 1921 г., где присутствовали около 200 женщин, более половины из сел уезда, вступительное слово сделала заведующая женотделом уездного комитета партии Чернявская, но доклад о текущем моменте – Оболенский и Тучин [6, л.2]. Это свидетельствовало о том, что официальная позиция правящей коммунистической партии существенно расходилась с консервативным массовым сознанием.

Маскулинное общество продолжало воспринимать женщину не как самостоятельную личность, а как ограниченное своими женскими функциями существо, поэтому ее надо было учить, ею надо управлять. Анализ источников показывает, что в 1920-е гг. по крайней мере на Ставрополье на всевозможных женских собраниях

ях на себя все серьезные аналитические доклады делали мужчины. На первый взгляд, поразительно, то, что значительная часть делегатов была активной, но история жизни делегатов из Бурлацкого и Малых Ягур показывает, что они активность эту приобрели на фронте Гражданской войны, либо в борьбе за советскую власть как члены партии [6, л.2–3]. В Благодарненском уезде насчитывалось в тот момент 1500 коммунистов [6, л.7]. Не случайно, что резолюции конференции были приняты большинством голосов, разработанных в отделах уездного партийного комитета, но почти к каждой делегатки добавили свои пожелания. Например, конференция поддержала земельную политику власти, но предложила уездному посевному изыскать возможность снабдить семенным материалом неимущих и особенно красноармеек. В области материнства и младенчества женщины приветствовали «благие начинания советской власти в этой области», но заявили, что без участия органов снабжения и распределения организация приютов и детских яслей в уезде затянется на долгое время [6, л.4–5].

Наиболее очевидным в первое десятилетие советской власти стали законодательные изменения в институте брака. Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» в декабре 1917 года утвердили основы гражданского брака в отличие от церковного и подорвали «правовые основы патриархальной семьи». В этих законах «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [16, с.134]. Стал действовать принцип общности семейного имущества вне зависимости от характера брака. В современной России эти положения давно стали нормой: декретные отпуска, трудоустройство на равных правах с мужчинами, возможность участия во всех сферах общественной жизни.

Это в корне меняло женскую повседневность, связанную с вопросами детства и материнства. В Советской России в 1920 г. было зафиксировано право женщины на аборт [24]. Таким образом законодательно было подтверждено репродуктивное право женщин. Уравнивались в правах дети в браке и вне брака. Закон защищал также права беременных и кормящих матерей, которым было дано право на оплачиваемый отпуск.

Большинству населения советской республики эти нововведения были не только новы, но в значительной степени не осмыслены и непонятны. Об этом свидетельствуют вопросы жителей окраинных районов Ставрополя на одном из собраний конца 1920-х годов по докладу о работе Бюро ЗАГСА. К примеру: «Почему нет ограничения разводов. В каком возрасте можно производить бракосочетание как мужчинам, также и женщинам. При разводе, как остаются имеющиеся дети и кому они будут принадлежать. Можно ли развестись заочно. Как узнать ребенка,

если много отцов. Может ли сын помогать живущему с ним старому отцу, если сын носит другую фамилию» [10, л.10].

В постановлениях и инструкциях ведомств для созданных специальных подразделений местного советского аппарата очерчивался круг обязанностей. К примеру, в 1920 году был организован подотдел охраны материнства и младенчества при губернском отделе здравоохранения Ставропольской губернии. В его функции входило создание учреждений медицинской помощи женщинам и детям, открытия приютов для грудных детей: «как-то капля молока, дома матери и ребенка и консультации, устройство курсов, выставок, лекций» [9, л.2], детских и женских консультаций, роддомов, молочных кухонь, детских дошкольных учреждений. Сил же у местного исполкома хватило лишь на учреждение в Ставрополе Дома ребенка № 1 на 100 коек и Дома матери и ребенка № 2 тоже на 100 коек [11, л.2].

В реальной повседневности все было гораздо жестче: нищета и голод не позволяли широко развернуть помощь беременным и кормящим матерям. Поэтому даже малая помощь в тех условиях ценилась очень дорого. Так, за 1,5 месяца до двух недель до рождения ребенка беременной полагалось 30 аршин (приблизительно немногим больше 2 м) ткани и одна катушка ниток. Правда, чтобы получить этот минимум надо было пройти ряд бюрократических процедур [9, л.20]. Что касается главного – питания беременных и кормящих женщин Ставрополя, то медицинская комиссия при отделе охраны материнства и младенчества исходила из нормы питания наркомздрава РСФСР. Так, на первый месяц после родов матери полагалось: 18 фунтов.72 золотника мяса, крупы гречневой или другой – 10 фунтов, сахару или меду – 2 ½ фунтов, растительного масла – 4 фунта 6 золотников, соли – 1 фунт 54 золотника, подправочной муки (для подправки супов не ниже 1 сорта) - 1 фунт 24 золотника, чаю - 15 золотников или кофе - 60 золотников, яиц - 11 ½ золотников [9, л.45].

В Ставропольской губернии, как и в большинстве губерний страны, было критически низким финансирование, поэтому родильные отделения и стационарное акушерство организовывались при больницах. Частная практика акушеров и повитух официально не допускалась, но в условиях отсутствия сети родильных клиник продолжала активно действовать. В городе невозможно было произвести учет беременных и кормящих грудью из-за отсутствия системы лечебных учреждений и обязательного посещения женщинами врачей. На учет брали только тех, кто самостоятельно обращался в подотдел за удостоверениями и ходатайствовал в получении продовольственного пайка. Кстати, даже в конце 1930-х гг., хотя родильный дом в Ставрополе открылся, но финансирования его не хватало, ощущался дефицит врачей [8, л.8].

В одной из своих статей 1919 г. В. И. Ленин считал, что «не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца» [20, с.286]. Он ставил вопрос женского равноправия в прямую зависимость от классовой борьбы, и эти идеи легли в основу первых законов советской власти. В. И. Ленин, помимо формального равноправия женщины понимал, что ее фактическое освобождение возможно только благодаря ликвидации «рабского домашнего труда». Он писал, что важно, чтобы «женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина». Выход из этого положения Ленин видел в том, чтобы государство и общество взяли часть воспитания детей на себя: «Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства... Нужно признать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогли женщине выбраться из состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые поставлена сейчас Советская республика, – условия и военные, и продовольственные, ...препятствуют нам в этой работе. Но все же надо сказать, что учреждения эти, избавляющие женщин от положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность» [19].

На Ставрополье, пережившем Гражданскую войну, разруху и голод, было очень мало возможностей для организации вне семейного воспитания детей. Тем не менее, в отчете женотдела Ставропольской губернии были выделены основные вопросы собраний женщин, важнейшим из которых была работа по организации яслей [6, л.103]. Для создания охватывавшей все населенные пункты сети детских садов и яслей у местной власти не было ни средств, ни кадров, нов городах развернулась работа по формированию на летний сезон детских площадок, чтобы отвлечь детей и подростков от улицы. Такая работа развернулась на Ставрополье в 1924 г. [6, л.40].

В период голода на ряде предприятий организовывалось питание для детей работниц, в

частности на заводе Шмидта (Красный металлист) в марте 1921 г. были организованы обеды для детей [6, л.35]. Показателем заботы руководства Ставропольской губернии о детях стало распределение молока между детьми от рождения до 5 лет по категориям осенью 1920 г. Из ежедневно имевшихся 78 ведер молока молоко выдавалось, в первую очередь, Домам ребенка и приютам, во-вторых, больным, в-третьих, детским садам и, наконец, детям, жившим у родителей. Норма составляла от фунта с четвертью до полуфунта [9, л.36].

Выводы. С первых дней революции в политике большевиков прослеживается внимание к женщине – провозглашение ее равноправия и юридическое закрепление этого права, попытки разработать практические меры по вовлечению женщин в общественное производство через создание условий для облегчения жизни женщин – матерей, через облегчение их домашнего труда.

Для реализации этой политики создавались специальные женские отделы при местных советах. Задача женсоветов состояла в организации женщин регионов на платформе коммунистических идей для различных общественных мероприятий. Для этого на Ставрополье постоянно вплоть до ликвидации женотделов проводились женские делегатские собрания, конференции. Кроме того, власть стремилась воспитать женщин в духе официальной идеологии, т.к. понимала их влияние на детей и мужей. Женщин активно вовлекали в борьбу с религией и с безграмотностью.

Все эти обстоятельства постепенно, но неотвратимо меняли женскую повседневность, несмотря на сопротивление наиболее традиционной части общества. Эти изменения на Ставрополье проходили в особо тяжелых условиях, т.к. по этому региону катком прошла Гражданская война, разорение и голод. Отдаленность Ставропольской губернии делала ее финансовое положение особенно бедственным. Новый образ жизни женщин складывался противоречиво и медленно, но уже в начале 1920-х годов создавался женский актив, представители которого выступали на общих собраниях, где наряду с официальными лозунгами велся разговор о насущных проблемах жителей Ставрополья, о бедах местных женщин.

Наконец, несмотря на бедственное положение ставропольского местного сообщества, руководство региона пыталось хотя бы частично реализовать политику советской власти, и это существенно влияло, как показывает анализ источников, на повседневность местных женщин.

Литература

1. Андерсон Марни С. Забытая история японских женщин и становление женской и гендерной истории в академических кругах // История женщин. 2020. Вып. 32.1. С. 62–84
2. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / перевод. Куббель Л. Е. М: Прогресс, 1986. 623 с.
3. Быкова С. И. Между прошлым и будущим: повседневность 1930-х годов в интерпретации современников // Образы власти в политической культуре России / под ред. Е. Б. Шестопал. М.: МОНФ, 2000. 108 с.

4. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
5. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 111 с.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК) Ф.3. Оп.1. Д. 2687.
7. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р1686. Оп. 1. Д.1.
8. ГАСК. Ф. Р. 1686. Оп.1. Д.48.
9. ГАСК. Ф. Р. 243. Оп.1. Д.1.
10. ГАСК. Ф.Р. 1686. Оп. 1. Д.1.
11. ГАСК. Ф.Р. 243. Оп.1. Д.5.
12. Декрет II Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. О земле. URL: <https://istmat.org/node/27653?ysclid=mikquvjcbf412424035> (дата обращения: 21.09.2025)
13. Журавлев С. В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920 – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 351 с.
14. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
15. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: Ин-т философии РАН, 1996. 216 с.
16. Кропачев С. А. Эволюция институтов семьи, брака и социальной роли женщины в Советской России 1920-х годов // Вестник российской академии естественных наук. 2022. № 4. С. 134 – 139.
17. Кукушкин Ю. С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. М.: Политиздат, 1987. 364 с.
18. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб: Журн. Нева, Летний Сад, 1999. 316 с.
19. Ленин В. И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике: Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 198–205.
20. Ленин В. И. Советская власть и положение женщины // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е издание. Т. 39. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 286.
21. Лютке А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С.77 – 100.
22. Пинчукова И.В. Гендерный подход в исторической науке <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-altayskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (дата обращения: 21.09.2025)
23. Постановление VIII съезда РКП(б) «О работе среди женского пролетариата» // Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партий советского союза. Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. М: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1959. С.436.
24. Постановление от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщин». <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 21.09.2025)
25. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований. https://www.perspektivy.info/book/istoriya_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskikh_issledovanij_2010-03-16.htm (дата обращения: 21.09.2025)
26. Реснянский С. И., Амиантова И. С. Гендер в российской истории: обзор новейших исследований // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т.18. №2. С. 278–301.
27. Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества (Материалы международной Интернет-конференции, проходившей 20.03–14.05.2001 г. на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru) / под общ. ред. В. В. Керова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 27.
28. Утехин И. Очерки коммунального быта. М: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 214 с.
29. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. №2. С. 129 – 137.
30. Шюц. А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
31. The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / edited by Judith Bennett and Ruth Karras. Oxford: Oxford University Press, 2013. 765 p.
32. Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-century Britain: Essays on Gender, Family, and Empire. Pearson Education, 2005. 219 p.

References

1. Anderson Marnie S. Forgotten History of Japanese Women and the Formation of Women's and Gender History in Academic Circles. Istoriya zhenshhin.. 2020;32.1:62–84. (In Russ.).
2. Braudel F. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible / translated by L. E. Kubbel. Moscow: Progress, 1986. 623 p. (In Russ.).
3. Bykova SI. Between the past and the future: everyday life of the 1930s as interpreted by contemporaries in Images of power in the political culture of Russia / edited by E. B. Shestopal. Moscow: MONF, 2000. 108 p. (In Russ.).
4. Waldenfels B. Everyday life as a melting pot of rationality. SOCIO-LOGOS. Moscow: Progress, 1991. 480 p. (In Russ.).
5. All-Union Population Census of December 17, 1926: Brief Summaries. Part VII: Age and Literacy of the Population of the USSR. Moscow: Publication of the Central Statistical Administration of the USSR, 1928. 111 p. (In Russ.).
6. State Archives of Contemporary History of Stavropol Krai (GANISK) F.3. Inv.1. D. 2687. (In Russ.).
7. State Archives of Stavropol Krai (GASK). F.R1686. Inv.1. D.1. (In Russ.).
8. GASK. F.R. 1686. Inv.1. D.48. (In Russ.).
9. GASK. F.R. 243. Inv.1. D.1. (In Russ.).
10. GASK. F.R. 1686. Inv.1. D.1. (In Russ.).
11. GASK. F.R. 243. Inv.1. D.5. (In Russ.).

12. Decree of the II All-Russian Congress of Soviets of Workers', Soldiers', and Peasants' Deputies. On Land. URL: <https://istmat.org/node/27653?ysclid=mikquvjc6f412424035> (accessed: 21.09.2025). (In Russ.).
13. Zhuravlev SV. "Little People" and "Big History": Foreigners of the Moscow Elektrozavod in Soviet Society in the 1920s and 1930s. Moscow: ROSSPEN, 2000. 351 p. (In Russ.).
14. Zubkova EYu. Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945-1953. Moscow: ROSSPEN, 1999. 229 p. (In Russ.).
15. Kozlova NN. Horizons of Everyday Life in the Soviet Era: Voices from the Choir. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 1996. 216 p. (In Russ.).
16. Kropachev S. A. Evolution of the institutions of family, marriage and the social role of women in Soviet Russia in the 1920s. *Vestnik rossijskoj akademii estestvenny'x nauk*. 2022;4:134–139. (In Russ.).
17. Kukushkin YuS. An essay on the history of the Soviet Constitution. Moscow: Politizdat, 1987. 364 p. (In Russ.).
18. Leбина NB. Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. St. Petersburg: Zhurn. Neva, Letniy Sad, 1999. 316 p. (In Russ.).
19. Lenin VI. On the Tasks of the Women's Labor Movement in the Soviet Republic: Speech at the IV Moscow Citywide Non-Party Conference of Women Workers in Lenin VI. Complete Works. 5th edition. Vol. 39. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. p. 198–205. (In Russ.).
20. Lenin VI. Soviet Power and the Position of Women in Lenin VI. Complete Works. 5th edition. Vol. 39. Moscow: Political Literature Publishing House, 1970. p. 286. (In Russ.).
21. Lütke A. What is the History of Everyday Life? Its Achievements and Prospects in Germany in Social History: Yearbook. 1998/99. Moscow: ROSSPEN, 1999. p. 77–100. (In Russ.).
22. Pinchukova I. V. Gender Approach in Historical Science <https://cyberleninka.ru/journal/n/izvestiya-altayskogo-gosudarstvennogo-universiteta> (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
23. Resolution of the VIII Congress of the RCP(b) "On Work Among the Female Proletariat" in Protocols and Verbatim Reports of Congresses and Conferences of the Communist Parties of the Soviet Union. Eighth Congress of the RCP(b). March 1919. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU, 1959. p.436. (In Russ.).
24. Resolution of November 18, 1920 No. 471 "On the Protection of Women's Health". <https://ru.wikisource.org/wiki/> (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
25. Pushkareva NL. "The History of Everyday Life" as a Direction of Historical Research. https://www.perspektivy.info/book/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskij_issledovanij_2010-03-16.htm (accessed: 21.09.2025) (In Russ.).
26. Resnyansky SI., Amiantova IS. Gender in Russian History: A Review of the Latest Research. *Vestnik RUDN. Seriya: Istorija Rossii*. 2019;18;2:278–301. (In Russ.).
27. Senyavsky AS. Everyday Life as a Methodological Problem of Micro and Macrohistorical Research (Based on the Materials of 20th Century Russian History) in History in the 21st Century: Historical and Anthropological Approach to Teaching and Studying the History of Humanity (Proceedings of the International Internet Conference Held March 20–May 14, 2001 on the Information and Educational Portal www.auditorium.ru) / edited by V. V. Kerov. Moscow: Moscow Society of Science Foundation, 2001. p. 27. (In Russ.).
28. Utehin I. Essays on Communal Life. Moscow: United Humanitarian Publishing House, 2001. 214 p. (In Russ.).
29. Schutz A. The Structure of Everyday Thinking. *Socis*. 1988;2:129–137. (In Russ.).
30. Schutz A. Selected Works. A world glowing with meaning. Moscow: ROSSPEN, 2004. 1054 p. (In Russ.).
31. The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe / edited by Judith Bennett and Ruth Karras. Oxford: Oxford University Press, 2013. 765 p.
32. Tosh J. Manliness and Masculinities in Nineteenth-century Britain: Essays on Gender, Family, and Empire. Pearson Education, 2005. 219 p.